

↑
89
106

- В Ирбите я совершенно затосковала, в этой глуши, и решила, что надо выбираться куда-то. И подала заявление в Свердловский университет на факультет журналистики, благо я работала в газете. Я послала им свой диплом, они зачли мне многие предметы и зачислили меня на третий курс. Да, я была там год. Это было довольно странное время. Прежде всего, мы жестоко голодали, но при этом, мы были донорами и сдавали поллитра крови каждый месяц, потому что за это давали паек. В пайке была водка, которую можно было поменять на хлеб. Именно водку. В Ирбите, например, я выменивала пайки, двести граммов хлеба на спичечную коробочку махорки.

- Вы даже тогда были такой горький курильщик?

- Да, я всю жизнь курю, с тринадцати лет.

- А ваша мама тоже была курильщицей?

- Нет, мама - нет. По-моему, она когда-то курила, а потом бросила. В моем детстве, до туберкулеза, а потом она образумилась и бросила.

- Так там можно было сдать кровь и получить паек, в котором была водка и махорка тоже?

- Нет, только водка, но водку можно было обменять на хлеб и махорку.

- А водка вам не нужна была?

- Во всяком случае с хлебом и махоркой она в сранение не шла. И потом нам давали обед. В день сдачи крови мы сдавали эти поллитра крови, при чем, мы были очень худые и слабенькие: меня просто шатало, когда я вставала с этого стола от слабости, потому что поллитра это много, особенно в тех условиях. Потом был роскошный обед из трех блюд, ~~шотландский~~, причем, не нарубленные гнилые капустные

листья, которые назывались хряпа - это наружные, несъедобные листья, корм для скота. И они уже были гнилые. Это была вода, в которой плавало несколько листочков. И потом чуть-чуть каши. И по-моему, несколько граммов какого-то несъедобного жира - кажется, машинного масла. Нет, правда. А уж если можно было достать касторку - слабительное, то это вообще счастье.

- Пить ее?

- Нет, картошку на ней поджарить. Вы знаете, американцы ведь этого не понимают. Однажды одна женщина при мне рассказывала американцу, что войну люди считали счастьем достать картофельные очистки, он ей сказал: "Да, у нас тоже в ресторанах подают их".

- Да, это такое шикарное блюдо.

- Он абсолютно не понимает о чем идет речь.

- Получилось наоборот, будто это шикарная еда.

- Или когда спрашивают: как у вас было в войну с мясом?

"Что вы, о мясе можно было только мечтать".

- "Да, и у нас тоже, у нас только курятина была". Рядовой американец не понимает, что такое ежедневный и ежечасный голод. Ты можешь иногда от этого отвлечься, но этот голод все время тебя терзает.

- Вы сказали, что это было странное время. В каком отношении странное? Голод был, что еще?

- Полная беззаботность. Занимались мы в нетопленных аудиториях, жили мы в нетопленных комнатах. Можно было менять одни талончики на другие. Вот в этой столовой пытались бороться с мошенничеством, и там были вроде трамвайных билетиков, как в Союзе: они на роликах и отрываются. Так вот, сегодня на зеленый талон-

чик 256 давали суп, а на 85 давали второе. Так вот, мы на карточки, из которой вырезали квадратик — скажем, пять граммов крупы, пять граммов жиров, — мы брали суп, но не один, скажем, а четыре. Когда-нибудь, может быть, через месяц, а может быть, через два на эти талончики будут давать кашу, а не суп, и тогда мы выиграем. То есть, у нас всегда были стопочки разных талончиков, купленные по дешевке, я имею в виду, карточки. И в то же время, это были самые бесшабашные времена — меньше всего мы думали о занятиях.

— А больше всего?

— Больше всего, где раздобыть еду, где раздобыть топливо. Недалеко от нас было танковое училище, и им привозили на танках прекрасные дрова, но у них был высокий забор и стояли часовые. Но мы постепенно подпилили железную оградку и сделали пролаз. Пролезали, а потом этот подпиленный прут приставляли на место. И крали там дрова, чтобы натопить хоть немного комнату. Потом не очень далеко были торфоразработки, и там мы крали торф, но это было опасно, потому что стреляли. Там были тоже часовые, которые его охраняли. И мы, значит, отправлялись в эту экспедицию: мы закутывались в простыни, потому что была зима лютая и все в снегу на Урале, санки тоже покрывали какой-то простынкой старой или полотенцем и отправлялись пенком — это километров пятнадцать было от нас, — и там мы проползали, нагружали эти санки и выползали назад.

— Стреляли в вас?

— Нет, ни разу. Нет, при чем, я обычно возглавляла эти экспедиции, ужасно нагло, и вообще была зачинщицей. А на занятиях у

no cold the ink froze

нас были такие русские чернилицы-непроливайки: баночка с воронкой, то есть, если ее перевернешь, из нее не выливаются чернила. Так мы их держали за пазухой, потому что был мороз: в аудитории был мороз, чернила замерзали, и их надо было отогреть на себе. И руки замерзали страшно писать. Конечно, от занятий не очень-то было много толку.

- Но все-таки получили какой-то диплом?

- Нет, я ушла, с четвертого курса я ушла. Меня приняли на третий, а с четвертого я ушла уже в армию. Прежде всего, в Ирбите я бросила один костыль, а со вторым ходила. Когда я приехала в Свердловск и походила немножко с костылем, я бросила второй костыль. И стала очень хромать, но ходить, а потом я даже и хромать ~~уже~~ перестала. В это время приехали из редакции ~~важны~~ офицеры в отпуск или в командировку, не помню, а, может быть, я и не знала. Они пришли к нам на факультет журналистики сказать, что им нужны работники для редакции. Но работники технические. Они не могли набирать людей официально, поэтому они привезли с собой отпускные свидетельства, чистые бланки красноармейские. Как будто какие-то солдаты приехали вместе с ними, сопровождая этих офицеров, приехали в тыл с фронта и поедут с ними же. На самом деле это были чистые бланки, только уже с подписями и печатями, что красноармеец такой-то сопровождает офицера такого-то.

- Это значит, что фактически вы вступили в армию, только на бумаге?

- Конечно. Мы были красноармейцами. Я вообще рвалась на фронт и несколько раз была в военкомате, но со мной и разговаривать не

хотели: хромая, маленькая, тощенькая и просилась на фронт - иди, никому ты не нужна. А тут они вписали меня и еще двух девушек. И мы приехали уже как красноармейцы.

- В форме?

- Нет, форму нам выдали потом. Ехали мы по этим свидетельствам, и нас пускали в штатском. Это была армейская газета. Там я ничего не писала. Я работала как бы выпускающим, корректор и выпускающий.

- И так вы работали до конца войны?

- Нет, мы были на Курско-орловской дуге - это курско-орловская битва, куда армию бросили совершенно неподготовленную, недостаточно были подтянуты тылы. Все это было ужасно, это был страшный разгром. А потом мы стояли в Курске, разбомбленном. Мы стояли на переформировке, то есть, в тылу. Ведь армия воеет два месяца, а потом ее отводят, и она может отстать в тылу пять-семь месяцев, пока она приведет себя в порядок, получит людей, оружие, а потом опять в бой. То есть, не было частей, которые не вылезали из боев всю войну. Так что, мы отстаивались, пока нас перевооружали и все такое. А потом нас сразу же перебросили на Западную Украину. И наш замечательный редактор, ^{был} абсолютный интеллигент, между прочим, бывший чекист. Но он был замечательный человек. Так вот, как выяснилось, мой теперешний сосед по дому, с которым мы воевали на одном фронте, рядом, тоже работал в газете, и когда нашего редактора от нас забрали, он стал его редактором и кончил войну уже с ним. Так вот, он был человек, абсолютно порядочный, интеллигентный. Там обогащались офицеры совершенно

беспардонно, особенно в трофейных командах. Генералы, полковники — ужасно. Он польстился только на книги — не взять книги он не мог. И люди, которые отбирали золото, драгоценности, фарфор, ковры, его же подвели, и у него были страшные неприятности из-за этих книг, и его исключили из партии. Но я этого тогда не знала. И это узнала, только приехав в Америку, от своего соседа по дому. У нас большой двенадцатитажный дом, и там полно русских живет.

— А он был хороший редактор?

— Он был замечательный редактор, по-настоящему порядочный человек, очень справедливый. Он ушел из ЧК, по-моему, еще в двадцатые годы, то есть, когда там были еще интеллигентные люди: он был интеллигент. Может быть, у него и происхождение было какое-то не очень пролетарское, слишком уж он был интеллигент. Интеллигент и порядочный человек, хотя и старый чекист. Это был первый чекист, которого я видела, и он был хороший и порядочный человек. И потом и других таких встречала — зубров. Их как-то все миновало, потому что они рано перешли на другую работу. В двадцать седьмом, двадцать восьмом году — они как-то успели еще сохранить себя.

— И там был ваш первый бой?

— Нам писали, что мы были участниками боев, но на самом деле мы не были участниками боев — все-таки нас бои не коснулись. Мы недалеко стояли от фронта — километрах в двенадцати-пятнадцати, от передовой. Это уже тыл. Конечно, там бомбежки бывают, но это уже не фронт. Так вот, через несколько месяцев его перевели на другую работу. То есть, не на другую работу, а в другую газету, в ту газету, с которой он уже кончил войну и в которой он был начальником моего соседа тепешнего. А к нам явился некий такой кам —

хамло и дубина, и привел за собой кучу своих парней, такого же хамья. И на дежурстве — дежурили в ту ночь я и новенький майор, а я считалась рядовой, и все наборщики, печатники — все были рядовые; причем, это не та была газета, где был всего один грузовичок, где мы все помещались. Это было много грузовиков — целый обоз; у нас были большие печатные машины, был свой движок — это была целая типография на колесах. Так вот, буквально через дня четыре, как у нас появился новый редактор, он приволок на дежурство нового майора. Тот сначала спал, а потом явился и говорит: "Здесь надо курсив". Я говорю: "Нет, тут надо полужирный — это всегда набирается полужирным". Чисто технический спор. Он говорит: "А что ты понимаешь в этом?" Во-первых, на "ты", что было вовсе не принято. "А что ты понимаешь в этом? Я приказываю, чтобы был курсив!" Я говорю: "Нет, курсива тут не будет, будет полужирный". На что он мне говорит: "Еще всякая блядь мне будет тут указывать". А я ему говорю: "Товарищ майор, если вы не извинитесь передо мной, я вам дам пощечину". Он говорит: "Еще у всякой бляди руки коротки давать мне пощечины". И я тут же ему отвесила пощечину. Он меня схватил, с намерением, по-моему, вообще истребить, на что я ему сказала: "Да, такой доблестный воляка-мужчина, только и способный на то, что бы воевать с женщинами". Тут он меня с отвращением бросил и пошел жаловаться своему начальнику, который его приволок. Меня посадили под арест за оскорбление офицера во время исполнения служебных обязанностей и при других рядовых. Это расстрел.

— Расстрел за это?

— Конечно, безусловно — в боевых условиях, конечно. И вот

я сижу и жду, что застрелят, пожалуй. А в это время они начинают соображать, что он тоже не имел права во время дежурства обзывать меня блядью. Мат стоял всюду над армией, все матерились, но если бы дошло до трибунала, то неизвестно, как бы он посмотрел на это, и что вообще такой инцидент - неприятность. Он только что пришел в редакцию: три дня он в редакции, и у него уже инцидент.

- Плохо его характеризует.

- Да. Поэтому они решили просто меня демобилизовать. Но там был один человек, который мне был очень обязан. Его прислали в нашу редакцию за несколько месяцев до этого. Его прислали из какой-то провинциальной газетёнки, районной газетёнки - он ничего не умел. А ^вредакции были парни из "Комсомольской правды", из "Известий", ушлые, московские хваты, которые на ходу подметки резали. И он, конечно, вообще не знал как делать газету. Ну там в районе в райкоме говорили, что надо написать, и он писал. Он был не очень грамотный, и эти парни без^{ис}жалостные просто его топтали. Он прошел через такие унижения в редакции, и я был единственным человеком, который его жалел и как-то к нему по-человечески относился. Я его утешала, что он приобретет опыт, что ничего... Ну вообще, ужасно мне его жалко было. И редакция очень быстро от него избавилась, посадив его на дивизионную газету, а дивизионная газета - это действительно боевая газета, она на фронте настоящим. И он сам, ничего не умеющий, некультурный и не газетчик по существу, а такой низовой партработничек паршивый попал на такой же состав: у него было еще два работника. И он, узнав что произошло, прискакал из дивизии и стал меня уговаривать перейти к

нему. И я, так образом, вместо демобилизации ушла из этой редак-
ции и поехала к нему в дивизию. Меня там моментально оформили.
А эти решили замять этот инцидент, как будто этого никогда и не
было, как будто я никогда не была этого майора по морде. Я ушла,
меня нет, ну и спустили на тормоза. Этот человек оказался такой
сволочью. Мелкая он душа был. Он стал меня тиранить и преследо-
вать вот буквально с первых дней. Вот как меня оформили красно-
армейцем, так он и стал издеваться. И все меня спрашивали: "Слу-
шай, что ты ему сделала, за что он тебя так тиранит?" А ведь
красноармеец совершенно бесправный, ему ведь и пожаловаться неко-
му, никакого права на командира нет. Кончилось тем, что я решила
его пристрелить. Он меня довел до этого.

- И вы попытались?

- Нет, мне не дали. Он ~~начевал~~ в избе, а мы газету выпуска-
ли. А моя обязанность в числе прочих была - нести ему на подпись
газету. А я тогда уже была очень близорука, а он спал. И принесла
ему из машины этот еще мокрый отпечаток, который щетками накола-
чивался; не знаете, как это делается, нет? Вы представляете себе
набор типографский?

- Да.

- Мочили лист бумаги, клали на этот набор, смазанный уже
краской и щеткой вот так вот наколачивали.

- Я знаю это.

- От этого ведь устаешь очень. И этот лист влажный он должен
был подписать. Кстати, тот наш редактор полковник Барышников,
когда ему приносили этот лист...

- Это тот бывший чекист?

- Да, бывший чекист. Он так смотрел и говорил: "Скажите, что я подписываю газету или смертный приговор?" Да, потому что, если там малейшая ошибка, стреляли просто. Поэтому он всегда так спрашивал. Этот же обращался иначе, вот я принесла ему как-то лист, и он говорит... Он иначе как матом со мной не разговаривал. "Ты такая-растакая..." Там я за одно слово дала по морде, а тут я все время это терпела. Во-первых, потому что я понимала, что второго такого раза не будет, а кроме того, его этим не образумишь. Это такая тварь была низкая. Мне не очень свойственно ненавидеть людей, но его я ненавидела так, что лет через десять при одном упоминании о нем, говорят, что я белела. Теперь это прошло совершенно, теперь это уже литература для меня. Он спрашивает меня: "Ошибки есть?" Я говорю: "Как будто нет". "Заголовки, такая-растакая, посмотри еще раз". "А я же близорукая, я нагибаюсь". "Смирно, блядь, растакую мать!" Я стою смирно, потому что я солдат. "Читай заголовки!" Я наклоняюсь. "Смирно!" И так это продолжалось довольно долго, при чем, со страшным совершенно матом, с оскорблениями. Я выскочила и помчалась в машину и схватила свой карабин и решила, что сейчас я наконец его пристрелю, и всё станет на свои места: я его пристрелю, меня пристрелят, и помчалась. А ребята сразу сообразили, и они у меня отобрали карабин.

- А они сидели в машине?

- Они работали там. Наборщики, печатник, шофер этой машины - огромный Серафим, "дяденька, достань воробушка", с такими вот плечами.

- И они бросились за вами?

- На полпути они меня настигли, Серафим меня сгреб, парни отобрали карабин, унесли меня, заперли в машину и сами там заперлись, и стали меня уговаривать, что из-за такой падали, да ты что... Ну вообще я постепенно отошла. Но не отними они у меня карабин, не сгриби они меня так, я бы его убила. И меня бы тоже убили, но мне уже было все равно. Этот человек меня ненавидел, он меня ненавидел за то, что я видела его унижения, и не мог мне, наверное, простить, что я к нему хорошо относилась. Потом, когда мы уже были в Германии, уже война кончилась: мы стояли в Кюстрине. Между прочим, там было какое-то большое историческое сражение, Кюстринская битва, в девятнадцатом веке. Я не помню, кто с кем воевал: Австрия с Германией, Австрия с Францией?

- С Пруссией, по-моему.

- Там было это Кюстринское сражение, но кто одержал победу, я совершенно не помню. Городок был очаровательный, совершенно не тронутый войной. Да, так я там была прислуга за всё: я организовывала материалы, я ходила на передовую помогать - это было совсем близко. Мы все время держались на самой линии фронта, не на самой передовой, не в окопах, ^{но} прямо непосредственно за фронтом, потому что у нас был совершенно безумной смелости начальник - командир дивизии, грузин Коладзе. Потом он стал генералом, тогда он был еще полковником. Я не помню, он при нас еще стал генералом во время войны или после войны? Когда надо было идти в атаку, а все задерживалось, он спокойно вынимал револьвер и шел вперед, и солдаты за ним поднимались. Он не поднимал их пинками и матом, понимаете? Он вынимал пистолет и шел в атаку один.

- Один впереди всех?

- Да.

- И он был в Германии в конце войны тоже?

- Да, он командовал дивизией.

- А он имел какое-то отношение к тому редактору, которого вы хотели убить?

- Никакого. Он командовал дивизией, а этот был редактором дивизионной газеты.

- А почему вы вспомнили о нем?

- Почему вспомнила в этом контексте? Надо послушать. А... Почему мы были близко от передовой? Он требовал. Потому, что в других дивизиях, где командиры были не такие бешенные, как этот Коладзе, эти дивизионные газеты были близко от передовой, но все-таки в тылу, а Коладзе хотел, чтобы мы были прямо рядом с передовой. И мы всегда должны были поспевать за ним: где он, там и мы. Поэтому мы всегда были непосредственно рядом с фронтом, с передовой. С передком, как говорили. Знаете такую поговорку: "А нам всё равно, что с фронта, что на фронт - с фронта даже лучше".

- Почему?

- Это такая солдатская поговорка.

- Это хорошая поговорка?

- Прекрасная! И очень русская. Я должна добавить, что ко всем своим достоинствам этот ^{almost shoots} капитан Новиков был еще совершенно патологический трус. То есть, когда начиналась бомбежка или обстрел, и пулеметы всё прошивали, он абсолютно терял рассудок.

Это был не человек, а дрожащее говно. В нем были все "достоинства":
он был мерзок.

- Это был тот, которого вы так жалели?

- Да, и который потом так издевался надо мной. Так, что парни приходили в совершенное недоумение, что это такое.

- А вы не теряли свой рассудок при стрельбе?

- Нет.

- А все-таки это было ужасно? Что это было, хаос?

- Да нет, как-то всегда казалось, что это ко мне не имеет отношения.

- Понятно.

- Кроме одного: я не выносила, то есть, с трудом выносила бомбежки в закрытом помещении; я должна была вылезти на поверхность и смотреть и слышать. У меня был как бы антипрятательный рефлекс.

- А в закрытом месте трудно?

- Между прочим, я и сейчас с трудом выношу закрытые двери, шторы я никогда не закрываю, то есть, у меня есть эта черта. Но я думаю, если бы меня заперли где-нибудь, я бы себя заставила это перенести. Но вообще я предпочитаю открытое пространство, чтобы видеть, главное, видеть.

- Вообще выход все-таки есть.

- Я, наверно, раза три отсиживалась в убежищах, куда меня загоняли силой, в частности, в Москве, когда я приехала с юга, когда началась война, и там была тревога, и меня загнали в подвал - это одно из самых неприятных воспоминаний. Вот, а за мате-

риалами я ходила на передовую во время боев - и ничего.

- А что вы там видели на фронте? Еще раз речь идет о колорите, о деталях.

- Не знаю. Это трудно рассказывать. Я видела много раз во время войны, как не жалели людей, особенно штрафников. И помню, как командир штрафной роты пришел со своим ординарцем и доложил, что у него не осталось ни одного бойца из штрафников. Но он-то и его ординарец уцелели! То есть, людей гнали под огонь. И только один раз... Мы отправились к одному месту, где надо было взять одно село - это было уже в Германии. Там был какой-то небольшой немецкий населенный пункт, и я знала, где будет этот бой, и пошла туда. Это было небольшое наступление, бой местного значения. Пошла туда и увидела, что полк, который должен штурмовать эту деревню, сидит в чистом поле под деревцами безмятежно, и командир полка сидит среди солдат. Я так удивилась и подошла к этому командиру полка, и говорю: "А что происходит?" Он говорит: "Слушай, ты болтай поменьше. Я разведку послал: немцы уходят - что я буду зря людей гробить. Война-то кончается. Уйдут они - мы займем деревню". Это была тайна, которую, Боже упаси, чтобы начальство узнало. То, что командир не погнался в огонь бессмысленно своих солдат, а сберёг их - они живые остались. Разведчики доложили ему, что немцы уходят.

- Так он человек был.

- Да. Так это единственный был человек такой, которого я встретила на войне. И об этом, конечно, надо было написать, а я должна была молчать, как об ужасном преступлении, которое он

себе позволил - сохранить людей. Вот вы у меня спрашивали, разговаривала ли я с генералами и какое было между нами расстояние. И я сказала, что никогда с генералами не разговаривала, но генерал разговаривал со мной один раз, при таких обстоятельствах: шло какое-то очень большое наступление, и к ^{ef}передовой заранее была прорыта-к нашим наступающим частям - большая очень траншея, глубокая, и брустверы. А траншея эта была выше человеческого роста, а я хотела видеть, поднимаются ли ^ссолдаты уже в атаку, идет ли уже артиллерийская обработка. В глубине эшелонирования у нас уже тогда было много орудий, и я уже вышла из пределов эшелонирования и понимала, что сейчас кончится артподготовка, уберут орудия, то есть, вал огня они перенесут дальше, и части поднимутся в атаку, и я хочу это увидеть, поэтому я иду по брустверу, сверху, и никого нет, потому что все уже там, и вдруг слышу страшный мат - ну на фронте все этим грешат, так что я не обращаю внимание на это, - но вдруг начинаю понимать, что мат этот обращен ко мне, я оборачиваюсь и вижу, что понизу идет кто-то - я не знаю, кто это, но думаю, что это кто-то из ставки главнокомандующего, вообще это высокий чин какой-то, уже без знаков различия. В боевой обстановке у него плащ-палатка, под которой не видно ~~никаких~~ знаков различия, и при нем его свита. И я вижу, что это генералы и полковники, никого ниже полковника среди них нет, человек двадцать, и этот человек матует меня. Говорит: "Ах ты такая-разэтакая, ты что не понимаешь, что поверху ходить нельзя. Слезь, растакую твою мать, в траншею". Это он позаботился обо мне.

- Хороший человек.

- И вот я навтыяжку встала, они прошли.

- А какая у вас тогда была должность? И какое задание?

- Какая там должность? Я была красноармеец при редакции, а на самом деле я работала как корреспондент, как корректор, как выпускающий - я была прислуга за всё. Но Новиков получил благодарность от политуправления за несколько материалов, которые я написала, что вызвало, между прочим, еще большую ненависть ко мне. Значит, в политуправлении похвалили материалы. А он уже совершенно зашелся от ненависти ко мне. Хотя и отказаться от меня не мог. Конечно, я писала не под своей фамилией, а писала "Николай Виктор", чтобы инициалы хотя бы совпадали: Наталия Викторовна.

- А какие статьи были в этой газете?

- О каких-то геройских действиях кого-то, кто-то отличился.

- О каких-то героических подвигах?

- Кто-то поднял кого-то в атаку. Какие-то такие. Совершенно будни. Это военные будни. Какие-то разведчики трех языков притащили. У нас в дивизии был случай, когда приехал грузовик в расположение полка, и спросили: "Вологодские тут есть?" Говорят: "Есть!" "Давай сюда!" Все вологодские, несколько человек, влезли на грузовик, и их увезли. Это были власовцы, которые приехали брать языка с немецкой стороны, на нашем трофейном, захваченном ими, грузовичке. И вот так увезли вологодских, семь человек увезли. Так, конечно, о таких случаях не писали.

- О таком было ^свопреки запрещено писать?

- Ну конечно.

- А вы сами знали о чем можно и о чем нельзя писать? Знали интуитивно?

- Так это ясно было совершенно.

- Каждому обычному человеку было понятно это?

- Конечно.

- А как все-таки русские солдаты вели себя: героически или по-разному? И что вы сами видели?

- Я, наверно, в чем-то понимала больше других. Самое тяжелое время было для меня... Наша дивизия в составе нашей армии прогрызала привисленскую оборону и брала Прагу варшавскую, не Прагу чешскую, а Прагу варшавскую. ↓

- Я там был, я знаю это место, на другой стороне Вислы.

W
A
R
S
A
W
- Да, да, на восточном берегу Вислы. И армия положила там три состава, прогрызла эту оборону и взяла Прагу, и в это время вспыхнуло Варшавское восстание, о чем мы узнали по ругани советской прессы. И я не знаю, был ли еще кто-нибудь в моем окружении, кто понимал, что происходит, или нет. Тогда было время самого страшного моего одиночества, когда я не понимал, кто еще понимает, что понимаю я. Что, во-первых, конечно, помощь им была обещана, безусловно, и что делается все, чтобы немцы выбили всех повстанцев, потому что заслона больше не было, вот этой привисленской обороны, которая была построена по самому современному плану: с огневыми мешками, с ловушками всякими. Армия положила там три состава. Территория была полностью захвачена, немцы отошли, и переправиться в это время ничего не стоило и помочь восставшим. И, конечно, то, что оставили редкие заслоны, понимая, что немцы не будут сейчас форсировать Вислу с той стороны, пытаюсь вернуть, когда у них тут восстание горит, а нас отвели вбок, когда мы могли форсировать Вислу и помочь восставшим. И каждую ночь туда летали

маленькие самолетики, кукурузники, обрасывали медикаменты и немного оружия, и всё. То есть, чтобы продлить эту агонию. ↓

- Да, это была сталинская политика.

- Конечно. Так вот, я это понимала, но я не могла никому об этом сказать, не решилась бы сказать.

- И правильно сделали.

- И я не понимала, кто из окружающих еще это понимает, а кто нет. Любой человек так же молчал бы, как и я.

- А обычные бои как происходили? Русские солдаты лучше воевали на своей земле, чем на чужой?

- Нет, армия ведь откатывалась много раз. Я бы сказала, что перелом, по-видимому, произошел во время сталиградской битвы, потому что битва на Орловско-курской дуге... Русский солдат воевал хорошо, конечно, прежде всего, потому ^{что} вши, которые в письмах немцев рисуются, как кошмар, который их терзает, у русских вызывали только шуточки. "Ха, блондиночка" или "А, уже подхватила чужого парня, вот он твоих и гоняет, ты и чешешься". Понимаете, это принимается, как оно есть.

- Как факт природы.

- Но надо помнить, что были всюду заградотряды, то есть, всюду за воюющими шли отряды войск НКВД - заградотряды, которые стреляли бы в людей, которые попытались бы бежать с поля боя. }

- А вы это видели?

- Я это всё знаю.

- И это всем известно?

- Да, всем воюющим это известно.

- Поэтому нельзя объективно судить, храбро они воевали или

89-106

7 side 2

106-114